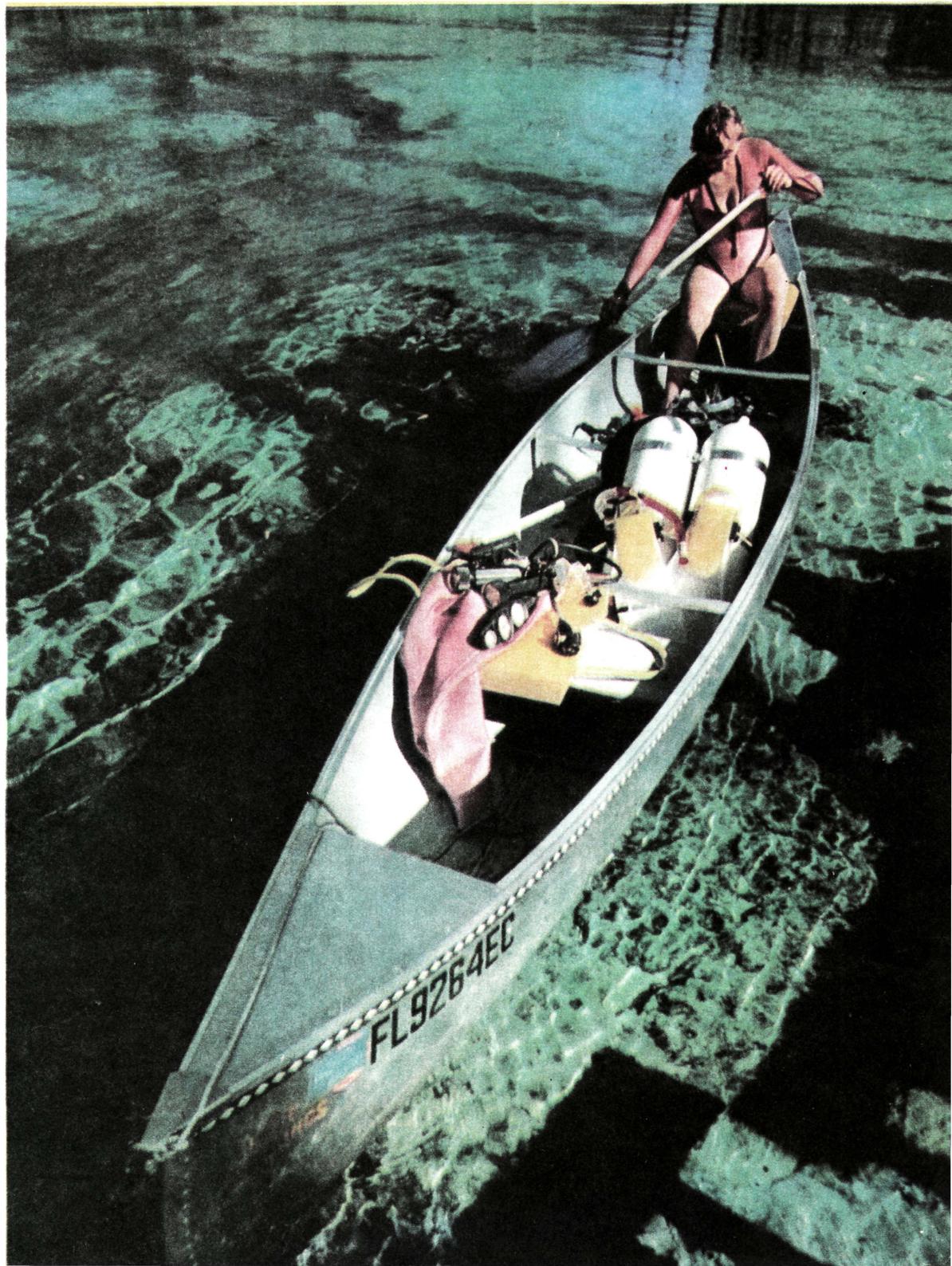

СВЕТ

ВОКРУГ

8 1987

ЛЮДМИЛА
ШАПОШНИКОВА,
лауреат премии
имени Джавахарлала Неру
Фото автора

ЛАДАК: ПО ПУТИ РЕРИХА

Хотя много написано о Ладаке, но чувствуется, что еще множайшее может быть открыто в этих местах и может дать потерянные вехи многих путей.

Н. К. РЕРИХ

ПЕРЕКРЕСТОК

Окно, занимавшее всю стену большой комнаты, было похоже на огромный экран. Оттуда лился странный серебристый свет, заполнял комнату, менял формы предметов, находившихся в ней, делал их легкими, призрачными. И в этом свете возникал и приближался старинный невиданный город. Над ним стояла луна; в ярком ее свете мерцали голубые снега на изломанных линиях Ладакского хребта. Громада королевского дворца бросала четкие густые тени на обрывистые скалы, на сухую утопанную землю королевской дороги. Светились изъеденные временем стены уснувших крепостей и массивных сторожевых башен. Лунный ветер раскачивал гирлянды цветных флажков над вершинами скал, гулял по узким улицам, вдоль квадратных домов под плоскими крышами.

На одну из крыш поднялся человек в фиолетовой шляпе-цилиндре и, зябко кутаясь в халат, неотрывно и пристально стал смотреть на голубоватую луну, повисшую над городом. Притянутый ее странным, магическим светом, он стоял долго и неподвижно, словно высеченный из камня.

Я взглядела в «экран» и увидела вдруг фантастический город, созданный когда-то воображением великого русского художника: те же массивные, сложенные из тяжелых каменных блоков дома, те же узкие улочки меж глухих стен, те же арочные проходы в толстых стенах...

Об этом поразительном сходстве картины, писанной в России в 1915 году, и старинным городом, расположенным в сердце Гималаев, писал и сам Н. К. Рерих:

«Развалины исполинских замков бледнеют перед этим живописным нагромождением, вознесшимся среди чаши разноцветных гор. Где мы встречали такие высокие террасы крыш? Где мы ходили по таким разрушенным закоулкам? Это было на картине «Мехески — лунный народ». Да, это те самые башни».

Читая эти строки, я еще не знала, что попаду в Ле, и даже не совсем поверила тому, что написал Рерих. Казалось, что воображение художника соотносит несоотносимое. Теперь, лунной ночью, я поняла, как была не права...

Рерих увидел Ле в 1925 году. Загадочный народ мехески давно исчез где-то в легендарном времени, но дома, с которых они неподвижно и замороженно смотрели на голубую луну, остались в нашем веке.

...Утром я вошла в Ле. Он лежал

в котловине, окруженной песчаниковыми горами и скалами. Изломанные обрывистые линии этих гор и скал, подчеркнутые резкими тенями, складывались в причудливые рисунки. Солнечный свет менял их окраску, и они то вспыхивали золотом чистейшего песка, то наливались густой сочностью коричневых тонов, то становились неожиданно сине-голубыми. Совсем рядом искрились снега.

Я приехала сюда по древней караванной дороге, которая связывала Сринагар, главный город Кашмира, с Ле, окруженным центром Ладака, лежащим у подножия Каракорума.

В 1925 году по ней прошла Центральноазиатская экспедиция Рериха.

...В Сринагаре стояла солнечная прозрачная осень. Золотистая дымка плыла над огромным озером Дал. По озеру и каналам, пересекавшим город, бесшумно и призрачно скользили ярко разрисованные кашмирские лодки — шикары. Над озером и городом стояли снежные горы. К этим горам через Кашмирскую долину уходил древний путь. В 1962 году рядом с ним проложили современное шоссе. И хотя караванная тропа и шоссе составляли единое целое, жили они — каждый — своей отдельной жизнью. Шоссе — современной, караванная тропа — древней. По тропе брели, опираясь на сучковатые тяжелые посохи, люди в старинных плащах и ярких тюрбанах. Горный ветер трепал их черные и красные, крашенные хной бороды.

Старик, седобородый и хитроглазый, вел за повод низкорослую лошадь, на которой надменно восседала пожилая матрона. В такт шагам лошади позванивали браслеты на запястьях женщины, тяжелое ожерелье из серебряных монет спускалось ей на грудь. За ними следовал караван тяжело нагруженных лошадей.

— Откуда вы? — спросила я хитроглазого.

Он махнул пергаментной рукой в сторону синих гор и сказал:

— Из Ладака. Везем соль.

Матрона оживилась и помнила меня. Я подошла.

— Откуда ты? — поинтересовалась она.

— Из Советского Союза.

— Где это?

Я махнула рукой на север.

Матрона недоверчиво усмехнулась:

— Там только очень высокие горы. Даже мы, гуджары, там не кочуем.

— А мы кочуем, — ответила я.

Пастухи в древних одеждах гнали стаю овец и коз. Цокали копыта лошадей. Звенели колокольцы. На обочине ждали притомившиеся водносы, полжизн рядом кожаные бурдюки со свежей водой.

Солнце клонилось к закату, близкие вершины гор стали розовыми, когда мы въехали в долину. Она называлась Сонамарг, или «Золотой

луг». Здесь по склонам гор росли березы и сосны, на ярко-зеленых лугах паслись овцы.

Ночь провели в деревянном домике на склоне. В очаге жарко горели березовые дрова, ледяной ветер рвался и завывал за тонкими бревенчатыми стенами.

Утром, когда еще не рассеялся туман, мы двинулись к Содж-ла, первому перевалу через Великий Гималайский хребет. Снежные шапки гор нависали над дорогой. Она поднималась все выше, пробиваясь среди скал, ледников и заснеженных склонов. Прямо к перевалу спускался ледник: повеяло холодом вечноности. Спрессованный многометровый снег гигантским пандиром поблескивал на солнце. С перевала открывалось неправдоподобное царство снега и льда, стиснутое мерцающими заиндевевшими скалами. Морозный ветер метался среди этих нагромождений, о чем-то плакал и пел.

За перевалом начинался Ладак. Среди скалистых утесов изломанных форм и очертаний возникли квадратные каменные дома тибетского типа. На склонах и вершинах гор стояли буддийские ступы. Развалины старинных крепостей и сторожевых башен венчали обрывистые скалы. По дну глубоких каньонов, вгрызаясь в горную породу, текли бирюзово-синие реки.

Около Драсса я увидела стелы, о которых писал Рерих. Они стояли в узкой каменной долине. Ветры десяти веков, шумевшие над ними, смягчили четкость линий. Но кое-что еще можно было разглядеть: зубчатую тиару на Майтрейе, чашу в правой поднятой руке и чашу в левой. Стелы открывали серию памятников самых разных эпох.

«...На скалах, — писал Рерих, — изображения оленей, круторогих быков и коней. Где мы видели такие изображения? На камнях Северной Америки, на сибирских скалах. Та же техника, та же стилизация и то же уважение к животным. Людских изображений мало».

Упомянутые петроглифы поразительно были похожи на те, которые я видела в Монголии и на Алтае. Круторогий козел неолита, несущий на себе таинственный знак Времени, захватил огромное пространство Азии от Индии до Алтая. Рерих называл эти петроглифы знаками Гесера, увязывая их с древним солнечным культом. На одной из его картин камень с петроглифами был изображен ярко и точно.

К вечеру мы добрались до Каргила, небольшого городка, зажатого скалистыми горами. Когда-то город славился своим базаром, красочным и шумным. Теперь о базаре остались только воспоминания: улицы казались грязными и захлапленными. Глинобитные, с плоскими крышами дома глухими стенами смотрели на горбатые извилистые улицы.

Еще день, и на пути встал Мульбек. Стены крепости обветшали, местами обрушились. Снизу, от реки,

этого не было видно: казалось, крепость на скале продолжает нести многовековую сторожевую службу, охраняя покой этой горной долины.

Помните, у Рериха? «...в древнем Мульбеке гигантское изображение Грядущего стоит властно при пути. Каждый путник должен пройти мимо этой скалы. Две руки к небу, как зов дальних миров. Две руки вниз, как благословение. Звучат — Майтрейя идет».

Двадцатиметровое изваяние Майтрейи, высеченное прямо в скале, прочно стояло на пьедестале, вознося к небу голову, увенчанную короной. Глаза Майтрейи, полуприкрытые тяжелыми веками, спокойно взирали на древний путь.

...После полудня в окружающих горах и скалах стало что-то меняться: они утрачивали свою угловатость и изломанность, становились более мягкими, скругленными. От спрессованного песка исходил рассеянный золотистый свет — как на дне морского мелководья. Казалось, едем по дну древнего моря, чьи призрачные волны бьются о каменные вершины гор. Современная геология считает, что десятки, сотни миллионов лет назад здесь плескалось Пуранское море, а потом древний океан Тетис вздымал свои грозные волны.

Машина медленно — один круг, второй, третий — взбиралась к перевалу Фоту-ла. С него открылись долина и древний монастырь Ламаюру на песчаниковых скалах. По тропинке я поднималась к высокой стене монастыря. У входа во двор трое лам в красных длинных плащах отрешенно и методично били в разрисованные барабаны. Один из них сделал мне знак остановиться и исчез в боковой двери. Теперь двое лам били в барабаны. Я сделала еще шаг — второй лама поднял ладонь и скрылся в той же двери. Третий отрешенно бил в барабан. Я стояла перед ним, но он смотрел куда-то сквозь меня. Я сделала еще одну попытку двинуться: предупредительный жест, и третий лама исчез за той же дверью.

Бить в барабан было некому, и я направилась к двери. Из нее вышли все трое лам, остановились перед дверью и ударили в барабаны. Следом появился четвертый, с коричневым морщинистым лицом, похожим на печеное яблоко.

— Джулей. Здравствуй. Извините, что заставил ждать. Они не виноваты, — приветливо сказал он и кивнул на барабанщиков.

Барабанщики отрешенно и методично били в барабаны...

— Это у вас такой ритуал приема гостей? — спросила я у ламы.

— Нет-нет, — заторопился Бежен — так его звали. — Они хотели вам помочь, но объяснить не смогли. Они говорят только по-ладакски. Я покажу монастырь и все расскажу.

Бежен открыл толстую деревянную дверь, и я оказалась в просторном помещении, по стенам которого тянулись ячейки. В них лежали завернутые в цветной шелк длинные ти-

бетские книги. Бежен снял одну, бережно развернул желтый шелк и протянул мне. По тонким продолговатым страницам глубокого черного цвета бежали тибетские золотые буквы. Бумага пахла тонко и тревожно. Мягко шуршали страницы, мелькали буквы, сливаясь в узорчатые цепочки. Я не понимала, о чем повествует эта рукопись, но глаза притягивала и манила золотистая вязь.

История монастыря, уходящая в далекое прошлое, была неясна и противоречива. Определенно было известно, что буддийский монастырь Ламаюру вырос и сформировался на прочном фундаменте древних верований, которые, в свою очередь, оставили неизгладимый след в ладакском буддизме. Сам монастырь принадлежал ламаистской секте красных шапок, которую создал в VIII веке неистовый тантрист Падма Самбхавы. Еще в 1909 году доктор Франке из Моравской миссии обнаружил здесь древнее, буддийское, бонское святилище. Когда Центрально-азиатская экспедиция Рериха остановилась в Ламаюру в 1925 году, выяснилось, что время сделало свое дело. «Мы обошли также развалины бонского монастыря, о котором упоминал доктор Франке, — писал Юрий Николаевич Рерих. — К сожалению, фрески, когда-то украшавшие стены храма, осыпались, и трудно было определить, что на них изображено».

Я ничего не нашла на месте прежнего святилища бон. Здание рухнуло в 1971 году, ламы аккуратно убрали и вынесли камни и засохшую глину, некогда скреплявшую их.

В соседнем зале бил барабан, горнато звучали голоса лам, завернутых в красные тоги. Странное ощущение безвременья возникло во мне: казалось, оно исходило тонкий аромат нездешних курений, звучало горнато песней и тревожным боем барабана. Безвременье клубилось, свивалось над масляными светильниками, из его глубин выплывали оскаленные страшные лица древних богов.

Восьмирукий Нагараджа в короне из черепов крепко сжимал в каждой руке по змею. Они извивались, пытаясь вырваться. Красные, синие, зеленые маски раскрывали клыкастые пасти, угрожающе выкатив круглые мертвые глаза. На их лбах таинственно и призрачно светился третий глаз.

Я прошла сквозь это наваждение, и Бежен, открыв боковую дверцу, поманил меня за собой в сумрачный коридор. Мы стали спускаться по древним выщербленным ступеням куда-то в темноту. Потом появилось светящееся пятно, и мы оказались в тесном маленьком дворике. Из дворика попали в помещение, куда через отверстия в потолке проникал рассеянный свет. На стенах проступали полустертые фрески, потом они уступили место грубому камню. Я поняла, что попала в пещеру. Горел только масляный светильник, и из полумрака проступали двухметровые фигуры черноликого хранителя Ма-

хакала, Лхамо, скачущей на муле, и кого-то третьего — грозного и воинственного, оседлавшего льва. Маски-лица мерцали сумрачно и загадочно. Блики дрожали на коронах из черепов.

— Это самое древнее святилище Сен-ге-Ганг, — сказал Бежен. — Говорят, его построил сам великий Наропа, когда осушил озеро. На этом месте когда-то было огромное озеро: оно тянулось на запад до Каргила и на восток до Ле. Оно было и там, где стоит теперь Ле. Наропа был великим сиддхи. Он все мог.

На древней земле легенда и реальность смешались, переплелись, сблизилась во времени. Солнце уже зашло за горизонт, на песчаных волнах и зданиях монастыря лежал красноватый отблеск заката. Когда стемнело, громады гор прорисовались на звездном небе.

Начиная от Кхальзе, древняя караванная дорога пошла вдоль зелено-голубой ленты Инда.

Здесь, между Кхальзе и Басго, Рерих записал: «Именно эти формы, нарочитые на Западе, здесь начинают жить и делаются убедительными. То вы ждете появления Гуаньинь, то готова разрушительная стихия для Лхамо, то лик Махакала может выдвинуться из массива утеса. И сколько очарованных витязей ожидают освобождения. Сколько заповедных шлемов и мечей притаилось в ущельях. Это не правдоподобный Дюрандаль из Рокамадуры, это подлинная трагедия и подвиг жизни. И Бругума Гесер-хана сродни Брунхильде Зигфрида. Изворотливый Локи бежит по огненным скалам».

Здесь Николай Константинович вспоминал Нибелунгов, и в этих эпических изломах гор, древних ликах и бездонных ущельях ему чудились аккорды вагнеровских музыкальных картин. Его не покидала мысль о том, что мифическая страна Нибелунгов Скандинавии и Центральной Европы в своей изначальной сути связана именно с Гималаями. Была ли это догадка или неожиданное озарение — сказать трудно.

К следующему полудню нас приняла горная долина, где добротные массивные дома лепились к лиловым скалам, взбирались на них и застыли на вершинах. Террасы полей вплотную подступали к домам и скалам.

Вдоль дороги и на полях сновали люди. Одни пахали на яках, другие молотили собранный ячмень. Пахло свежей соломой. Женщины в плащах из ячьих шкур несли в корзинах дрова. Повсюду мелькали цилиндрические шляпы — черные, лиловые, зеленые, красные. Доносились с полей песни — протяжные и звонкие. Иногда в мелодию вплетался звук барабана.

В монастыре Алч шла служба. Осеннее солнце пригрело и щедро заливало землю. У подножий разноцветных скал полыхали багряными тонами осенние деревья; солнечные

зайчики, отраженные от поверхности реки, скользили по деревьям, домам и полям. На скалистых склонах стояли субурганы. На одном из них бежал «Конь счастья» с развевающей гривой. На седле коня в золотистом пламени горели три круга «сокровища мира».

После Алчи, когда дорога стала вползать на Ладакский хребет, открылся Басго среди безлесных желтовато-песчаных склонов гор. Сначала казалось, что это первозданное место необитаемо. Но вот глаз стал различать массивные стены, прямоугольные башни и дома. Они вырастали прямо из скал и повторяли монументальность и незыблемую мощь природных образований. Когда спустились вниз, крепости и башни Басго вознеслись над нами и появились побеленные деревенские дома с плоскими крышами. Они тянулись вдоль голубого и узкого притока Инда.

Потом среди каменных нагромождений образовался проем — с плоским, похожим на степь дном, с волнами песка по краям. И над песчаной равниной встали снега Карако-рума. На равнину спускались их синие-зеленые отроги, пересеченные резкими тенями ущелий, распадков и гребней. Дорога, как стрела, устремлялась к снежным громадам, но на ее пути встали разломы нового хребта.

У самых снежных гор стал расти и приближаться удивительный старинный город, который назывался Ле. Город лежал на перекрестке древних путей. Каждый перекресток имеет свое точное положение. В Ле он был на базаре. Базаром была самая широкая улица, которая тянулась от королевского дворца к западной окраине, к холму, где стояли высокие ступы. На одной из них белый конь нес на седле сокровище мира — Чинтамани. Эту ступу Николай Константинович изобразил на картине, которая называлась «Конь счастья» и входила в серию «Май-трейя».

Вдоль этой магистрали тянулись лавки со снетью, тибетскими и ладакскими ремесленными поделками, стояли харчевни и чайные. От магистрали ручейками отходили улочки, также заполненные лавками, постоянными дворами, небольшими гостиницами и снова харчевнями. Над ними стоял аппетитный запах бараньего бульона, поджаренных пельменей-момо и свежеспеченных лепешек.

Заведения назывались одно диковинной другого: гостиница «Ячий хвост», другая — «Старая Антилопа», бюро путешествий «Снежного человека», фотостудия «Дракон».

Когда-то на перекрестке сходились караваны из Средней Азии, Тибета, Индии, Китая.

«С утра до вечера два главных городских базара заполнены шумной толпой, осаждающей груды товаров. Особенно ценится туркестанский войлок, который привозят из Хота-

лись отрезанными от горного Ладака. Но караваны, позванивая колокольчиками, время от времени появляются в Ле. Тогда через базар бредут низкорослые лошадки, навьюченные солью, шерстью и различной утварью, за ними шагают медлительные приземистые яки. Караваны идут из глухих высокогорных районов Ладака. Они идут и из Кашмира, доставляя кашмирские ковры, шали, шафран, кожи, меха. Но кашмирские караваны — это традиционный пережиток. Большинство товаров теперь

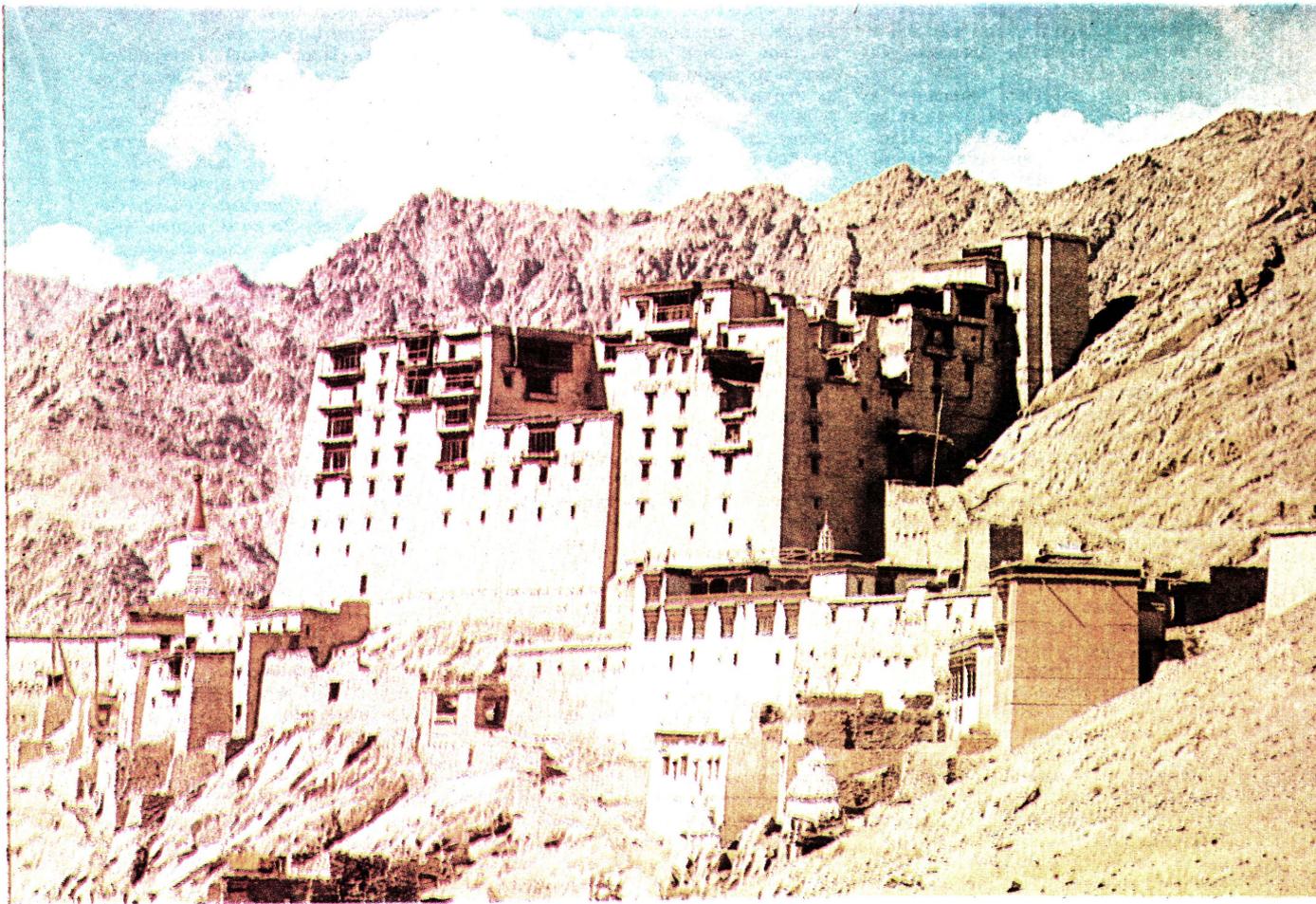
Массивные стены, прямоугольные башни и дома вырастали прямо из скал и повторяли незабываемую мощь природных образований.

С самого утра пестрая, разноязыкая, разноликая толпа заполняет улицы Ле: желтые и красные тоги, шапки лам, крестьяне в лиловых, зеленых, сиреневых халатах, женщины, украшения которых горят бирюзой.

на, Гума и Яркенда... Здесь же лежат тюки мягкой тибетской шерсти, доставленной с севера, из которой кашмирские умельцы ткут красивые шали. Большое оживление царит в лавках, торгующих высокими туркестанскими башмаками, очень ценными ладакскими караванщиками. Немало продается на базаре и лошадей. Возвращаясь домой, они везут европейские товары: английское сукно, английские и немецкие красящие вещества, различные предметы галантереи и индийские специи, а также шафран, в большом количестве экспортируемый из Кашмира в Туркестан и Тибет... Вся эта пестрая толпа постоянно движется, выкрикивая и жестикулируя, то и дело позвякивают колокольчики вновь прибывающих караванов» — так писал Ю. Н. Рерих, сын Николая Константиновича, в 1925 году.

Теперешний базар в Ле был другим. Чем-то он напоминал описанный Рерихом, но и отличался от него. Караванные пути из Китая, Тибета и Китайского Туркестана оказа-

прибывают сюда из Индии на грузовиках, по шоссе.

Базар — это сердце города: так повелось в Азии исстари. Если вам нужно что-то узнать о городе, если вы ищете кого-нибудь, идите на базар.

С самого утра, как только встает солнце и в горном воздухе разливается прихваченная морозцем синева, пестрая, разноязыкая, разноликая толпа заполняет широкую улицу, переулки и тупики.

Степенно идут ламы, перебирая четки. В своих красных тогах они похожи на римских патрициев. Их желтые и красные шапки мелькают то здесь, то там. Прижимая к темным пиджакам папки, торопятся клерки. Крестьяне в лиловых, зеленых, сиреневых халатах, подпоясанные красными кушаками, шумными группами кочуют из одной лавки в другую. Прицениваются, торгуются, покачивая шляпами.

Кашмирцы в черных и серых балахонах — перенах и ярких тюрбанах ловко ввинчиваются в толпу, останавливают кого-то, расспрашивают о новостях, переговариваются с лавочниками. Или просто спуют у лавок, задумчиво смотрят на проходящую толпу.

Проплывают слышно шитые бирюзой пераки — головные уборы женщин. Бирюза горит на них синим ог-

нем, женщины негромко смеются, поправляя пераки, тяжело падающие на спины, прикрытые плащами из ячьей шкуры.

Из узкого переулочка появляются навьюченные лошади, рядом шагают караванщики. Это кочевники с Чан-танга. Чан-танг — значит «плато». Кочевники приходят от восточных границ Ладака, некоторые из них — из самого Тибета.

В пограничном районе им известна каждая тропа, каждое ущелье, каждая скала. Они продолжают кочевать там, где кочевали их предки. На кочевниках короткие овчинные тулупы, туго подпоясанные в талии. На вытертой, местами засаленной овчине проступает затейливое шитье. На поясах висят длинные ножи с прямыми лезвиями в серебряных ножнах, на которых выгравирован орнамент и буддийские знаки счастья. Кочевники в мягких сырмятных или войлочных сапогах легко и упруго ступают по сухой земле городских улиц. Из-под меховых шапок на тулупы спускаются две косы, в мочке уха сверкает серьга-кольцо.

Кочевники с Чан-танга держатся свободно среди пестрой толпы, но что-то все-таки отличает их от нее. В них чувствуется детская беспомощность, растерянность перед городом, перед неизвестными людьми, перед плутоватостью торговцев-кашмирцев. Кочевники — последние осколки когда-то огромного кочевого мира, теперь побежденного миром оседлым. Они приносят с собой дыхание снежных гор и степей. Неугомимая тяга к передвижениям живет в их настоящей венах крови. Они не боятся уходящих вдаль неизвестных просторов, крутых перевалов и государственных границ. Как тысячелетия назад, они пересекают преграды, чтобы появиться среди тех, чьим уделом стала неподвижность. Кочевники с Чан-танга гонят в Ле караваны с солью. Их обветренные, сожженные дочерна солнцем лица сразу выделяются в пестрой толпе базара.

Вот в толпе возникает человек — длинные прямые волосы перехвачены красным шерстяным шнуром, орлиный нос четкого рисунка, на ногах красные мягкие сапоги, похожие на мокасины. Он чувствует мой взгляд, останавливается и вопросительно смотрит на меня: он готов к разговору. Если не заговорить, кочевник медленно отойдет, и во всей его позе будет сквозить разочарование. В этой странной чуждости, в мгновенной реакции на чужой взгляд — еще одна черта этих людей. Подвижность жизни, видимо, сформировала динамичность ума и реакции. Если бы это было не так, кочевые народы не смогли бы сыграть исторической роли того динамичного звена, которое соединяло различные страны, различные культуры, различные миры.

Наблюдая кочевников на перекрестке, я все более убеждалась в их особом, непохожем на других,

характере. Придя сюда, в Ле, они никуда не спешили. У них была даже своя особая походка. Они внимательно вглядывались в то, что их окружало, заинтересованно смотрели на каждого прохожего, ценили беседу с ним и бережно уносили с собой на снежные плоскогорья то, что успели узнать и услышать на перекрестке караванных путей.

Через какое-то время кочевники исчезали с базара. Это значило, что караван отправился к себе, в родные горы. Потом они снова появлялись. Базар принимал их как свою неотъемлемую часть, насыщал информацией и товарами и провожал их яков и лошадей в дальний путь.

И только в конце ноября, когда перевалы засыпало снегом, кочевники исчезли до весны. Шумная жизнь базара продолжалась без них. Каждый день на нем появлялись новые люди. Они приходили из глубин огромного горного района. Они не были похожи ни на кочевников, ни на местных жителей. На них были странные, не поддающиеся описанию одежды, немыслимые шляпы и колпаки. Отрешенно и безмолвно проходили сквозь базарную толпу, озабоченные своими таинственными делами. Их лица, покрытые горным загаром, всклокоченные черные бороды свидетельствовали о долгом и трудном пути. Они появлялись как призраки, никого не касаясь, ни с кем не заговаривая. Казалось, они приходили в город с важными вестями и сообщали их кому-то. И снова надолго исчезали, растворяясь за снежными перевалами и каменистыми нагорьями. Они казались мне вестниками, преодолевающими не только пространство, но и Время. За ними стояла иная культура, иной мир. Где находился их мир, я не знала. Но была уверена, что он существует.

Я брожу по узким улочкам города, стиснутым каменными массивами двух- и трехэтажных домов. Они напоминают приземистые, квадратные башни с узкими бойницами. По фасадам идут резные карнизы, окна забраны деревянными ставнями с наличниками. На наружных подоконниках маленькие горшочки с цветами. И эти цветы, и раскрашенные наличники смягчают облик домов-башен.

Дома плотно припаяны друг к другу, и пройти на другую улицу можно лишь по сводчатым каменным переходам, которые врезаны в нижние этажи. Целый лабиринт переходов: возникает ощущение, что идешь по древнему подземному городу и не знаешь, куда приведут его улицы. Но они выводят на очередную улицу — ущелье меж каменных высоких стен. Стены кое-где обрушились, кое-где покрылись мхом. Чем ближе к королевскому дворцу, тем круче становятся улицы, переходящие в каменные ступени. Дома карабкаются вверх, ползут к скалам, где застыла девятиэтажная громада дворца. Дома поднимаются друг над другом ги-

гантской лестницей, которую венчает королевский монастырь.

Отсюда видна башня старинной крепости — она стоит еще выше, на вершине скалы.

Ветер треплет разноцветные гирлянды молитвенных флагов, и кажется, что крепость еще живет, что на подступах к ней стоят воины с тяжелыми луками и прямыми мечами. Отсюда виден весь Ле: дома, дворец, храмы, чортены, ступы, мани-пирамидки древних погребений.

Старинный город. Станный город, вынырнувший из глубины веков и застывший на лунных скалах среди снежных вершин Гималаев.

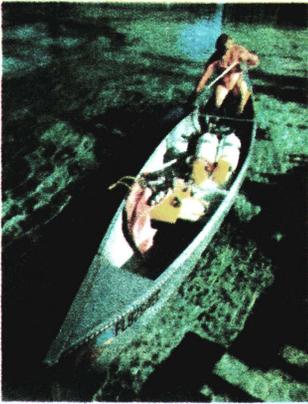
Рерих бродил по улицам этого города, рисовал дома и чортены. Любова бирюзовыми пераками женщин и разноцветьем толпы на базаре. В Ле он много и плодотворно работал. То, что он видел, и то, что рисовал, еще не исчезло.

...Последний караван ушел из Ле на восток в середине ноября. Пустеет древняя караванная дорога, по ней уже не пылят грузовики и автобусы. На дверях книжных лавчонок все чаще попадаются объявления: «Газет сегодня нет». Над горами бужут снежные метели. Снег, густой и колючий, идет над перевалом Фотула. Скоро перевал закроется, и регулярная связь с остальной страной оборвется. Наконец на почте вывешивают объявление: «Все сообщения только через письма». Письма раз в неделю начнет доставлять самолет, и то, если погода будет благоприятствовать. Что она будет благоприятствовать — сомнительно.

Морозный ветер поднимает над улицами Ле клубы желтой иссушенной пыли. Он набрасывается на песчаные скалы, выдувает из них все непрочное, все плохо укрепленное. Скалы стоят, окутанные желтой песчаной дымкой. Ветер гонит в сторону Ле тяжелые снеговые тучи. Горы отбрасывают эти тучи от города, но ветер снова и снова шлет их в атаку, подгоняя их снежными буранами. Горы еще сопротивляются, защищая дома, людей и поля. Но день ото дня сопротивление слабеет. Сначала в город просачиваются передовые отряды противника — сухие редкие снежинки, смешанные с желтой пылью. Вслед за ними на штурм идут тяжелые черные тучи. Они прорывают ослабевшую оборону и обрушиваются на город снежным вихрем. Потом ветер успокаивается, удовлетворенный одержанной победой, а снег валит крупными белыми хлопьями. Он покрывает плоские крыши домов, оседает на башнях крепости, ложится на опустевшие поля, замерзшие водоемы и источники.

Старый сторож сидит на корточках у стены гостиницы, где я живу, и, полуприкрыв глаза тяжелыми веками, тянет длинную тоскливую песню без слов. Зимнюю песню. Теперь Перекресток оживет только весной...

Окончание следует

На первой странице обложки: США. Исследователи подводной пещеры Вакулла-Спрингс во Флориде.

Аквалангисты обнаружили здесь останки древних животных, обитавших на Земле десятки миллионов лет назад. (Заметку «Первое прикосновение» см. на стр. 23.)

На третьей странице обложки: Огромные — в человеческий рост — маски, сплетенные из растительных волокон, — одна из примет Вануату, островной страны, населенной сотней меланезийских племен. Эти маски надевают в праздники, когда люди несколько дней и ночей танцуют под грохот барабанов, выдолбленных из цельных стволов дерева, и хриплый плач морских раковин. Раковинами торговали прибрежные жители, и, становясь все дороже по мере передачи из рук в руки, они достигали самых затерянных в горах деревушек. (Заметку «Большие просторы маленькой страны» см. на стр. 50.)

В номере использованы фотографии из журнала «Нэшнл джиогеофик» (США).

Художественный редактор М. Федоровская.
Макет Г. Комарова. Технический редактор О. Бойко.

© «Вокруг света»

Сдано в набор 01.06.87. Подп. к печ. 03.07.87. А01114. Формат 84 × 108¹/₁₆. Печать офсетная. Условн печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 28,56. Учетно-изд. л. 11,3. Тираж 2 800 000 экз. Заказ 127. Цена 80 коп. Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суцеская, 21.

«Вокруг света», 1987, 1—64, издательство «Молодая гвардия», 70142.

ВОКРУГ

СВЕТА

8 1987

1917—1987

- 1 Виктор РУДЕНКО
Полярный штурман

Наш Север

- 4 Д. РОМАНОВ
«...и не ошибся в ожидании
моем»

Человек и его дело

- 10 Леон СУДЖАН
Оливковая ветвь
14 Юрий СУПРУНЕНКО
Штольни над облаками
Экспедиция уходит в поиск

- 16 Людмила ШАПОШНИКОВА
Ладак: по пути Рериха
23 Н. НИКОЛАЕВ
Первое прикосновение

- 24 Николай ЧЕРКАШИН
Не вернулся из моря...

Читатель сообщает

- 27 Ю. КАРАНДЕЕВ
Неудавшиеся вулканы Пятигорья

О странах и народах

- 28 Юрий ДОЛЕТОВ
Бронзовый флейтист
37 Л. МАРТЫНОВ
Антекуме — друг индейцев
48 К. САПОЖНИКОВ
Город красных крыш

Исторический розыск

- 34 Евгения ГАВРИЛЕНКОВА
Дом великого следопыта

Природа и мы

- 40 В. ЗАДОРЖНЫЙ
Разыскивается сумчатый волк

Загадки, гипотезы, открытия

- 42 Игорь МОЖЕЙКО
Миг истории

Соседи великанов

- 50 Л. ОЛЬГИН
Большие просторы маленькой
страны

Романы, повести, рассказы

- 52 Хэммонд ИННЕС
Большие следы. Роман
60 Владимир ЛОГИНОВ
Последнее усилие

Далекое — близкое

- 61 Михаил ЕФИМОВ
Лестница на Митридат

- 62 Пестрый мир